

стихии показать, что он не боится ее, что наперекор всему он весел, что он не сломлен.

А в последней сцене бравада и удаля исчезают, обнажая истинную причину дерзкого бунта.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ПУШКИНА В КОНЦЕ 1820—НАЧАЛЕ 1830 ГОДОВ

Н. Г. Костина

Вопрос о политических взглядах Пушкина последекабристской поры до сих пор остается дискуссионным. Одни исследователи полагают, что Пушкин сохранил в основном свои прежние политические представления¹.

Другие исходят из того, что политические взгляды поэта претерпели существенное изменение².

О политической концепции Пушкина продолжают писать, но она все же не изучена в полной мере. Не имея возможности хотя бы бегло затронуть все многообразие проблем, сопряженных с эволюцией поэта после восстания декабристов, остановлюсь лишь на нескольких аспектах: отношении Пушкина к са

¹ К числу таких исследователей относятся: Н. Л. Бродский («Пушкин». Госполитиздат, М., 1937), В. Я. Брюсов («Медный всадник» В. кн.: А. С. Пушкин. Сочинения. Б-ка великих писателей под ред. С. А. Венгера, Брокгауз—Ефрон, Т. 3, СПб, 1909, с. 456—465). Б. С. Мейлах (Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат, 1958). С. М. Петров (Исторический роман А. С. Пушкина, АН СССР, М., 1953) и другие.

² М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», «Наука», Л., 1967. П. В. Анненков. Общественные идеалы А. С. Пушкина. В кн.: П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки, т. 3, СПб., 1881. Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, т. II, М., «Сов. писатель», 1967.

В. Э. Вацуро. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов. В кн. Пушкин. Исследования и материалы. т. VI, «Наука», Л., 1969, с. 150—170.

Л. И. Вольперт. Пушкин после восстания декабристов и книга мадам де Сталь о французской революции. Пушкинский сборник. Псков, 1968, с. 114—131. М. Н. Покровский. Пушкин-историк. В кн.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 6-ти томах. Под общей ред. Д. Бедного и др. Госиздат., т. V, кн. I, М.—Л.; 1933. В. В. Пугачев. К эволюции политических взглядов А. С. Пушкина после восстания декабристов. Уч. зап. ГГУ, сер. ист.-фил., вып. 78, Горький, 1966. Б. В. Томашевский. «Историзм Пушкина. В кн.: Уч. зап. ЛГУ, № 173, серия фил. наук, вып. 20, Русская литература, Л., 1954. М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. АН СССР, М., 1962. П. Е. Щеголев. Пушкин и Николай I, см. П. Е. Щеголев. Исследования и материалы, т. II. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., Гослитиздат, 1931.

модержавию и дворянству в связи с оценкой деятельности Петра, отношение к революции.

До 14 декабря 1825 года Петр I, по-видимому, мало интересовал Пушкина. Только в так называемых «Заметках по русской истории XVIII века» (1822 г.) обратился он к личности Петра. Впрочем, и здесь, на наш взгляд, Петр I интересовал Пушкина, главным образом, в связи с политикой его преемников, особенно Екатерины II.

Среди других произведений Пушкина этого периода «Заметки по русской истории XVIII в.» занимают совершенно особое место и тематически ни с одним из них не связаны.

Ряд исследователей: Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский — высказывают предположение о том, что «Заметки» являются результатом устных бесед Пушкина с такими лицами, как М. Ф. Орлов, К. А. Охотников, П. Пестель, Ф. В. Раевский и другими декабристами¹. Кроме того, Б. В. Томашевский предполагает возможность заимствования фактов, изложенных в «Заметках», из мемуаров и исторических трудов французских писателей (Кастера «История Екатерины II», Масона «Тайные записки» и др.)². Возможно, что «Заметки по русской истории XVIII в.» появились в связи с вопросом об освобождении крепостных, и именно с этих позиций анализирует Пушкин историю XVIII в. Оценка Пушкиным Петра I, хотя и с оговоркой насчет деспотизма, в целом положительна. Сравнение его с Екатериной II проводится не в пользу последней.

Более подробных высказываний Пушкина о Петре I до 14 декабря 1825 года не сохранилось. Петр, по всей вероятности, мало интересовал тогда поэта. Возможно также, что Пушкин демонстративно игнорировал его, так как Петр был фигурой постоянно пропагандируемой правительством.

После возвращения из ссылки интерес Пушкина к Петру возрастает. Уже в декабре 1826 года были написаны «Стансы», затем «Арап Петра Великого», «Полтава», наброски статьи «О дворянстве», «Медный всадник». Петр I упоминается в «Путешествии из Москвы в Петербург», в статье «О ничтожестве литературы русской», ему в 1835 г. посвящено стихотворение «Пир Петра I». С лета 1831 года начинается работа Пушкина над созданием целой книги о петровской эпохе — «Историей Петра I».

¹ См. комментарии к «Заметкам по русской истории XVIII в.» Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского. В кн.: А. Пушкин. Сочинения. Гослитиздат, Л., 1938, с. 940. М. А. Цявловского. В кн.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 9-ти томах. Изд. «Academia». М., 1937, т. IX, с. 629.

² Б. В. Томашевский. Комментарии.—В кн.: А. С. Пушкин. Сочинения. Гослитиздат, Л., 1938, с. 940.

Сам Пушкин писал П. В. Нащокину 3 сентября 1831 г.: «царь (между нами) взял меня в службу... и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I»¹. Работа эта, по-видимому, пришлось по душе Пушкину. По крайней мере, Бенкендорфу он писал: «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III»².

А уже 11 июня 1834 года Пушкин пишет жене: «Петр I-й идет, того и гляди напечатаю 1-й том к зиме»³. Но при его жизни не было напечатано ни строчки из предполагаемой работы. После смерти Пушкина осталась 31 тетрадь, в которых были собраны материалы. Со временем они были утеряны и лишь впоследствии нашлись из них 22, представляющие собой рукопись «Истории Петра I». Напечатана она была только в 1938 году в 10-м томе Большого академического издания сочинений Пушкина⁴.

О том, что представляет собой найденная рукопись—то ли простой конспект собираемых материалов, а именно «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова, или же корпус задуманного произведения, существуют две резко противоположные точки зрения. Одна из них представлена в статье П. Попова («Пушкин в работе над историей Петра»), другая—в книге И. Л. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина».

П. Попов, разбирая тетради Пушкина и сравнивая их с многотомной историей И. И. Голикова, пришел к выводу, что «в основе всех рукописей... лежит единый литературный источник—«Деяния Петра Великого» Голикова, девять первых томов которого изучались Пушкиным, в соответствии с чем он и составлял свои записи, располагая их погодно»⁵. «Привнесения из других источников (Штелин, Туманский, Шафиров, Lemontey) столь ничтожны, что не ломают последовательности голиковского рассказа»⁶. А в архив Пушкина, считает Попов, заглянул лишь один раз, разыскивая письмо Петра в Сенат⁷. Отсюда автор делает вывод: «изучение рукописей Пушкина

¹ Пушкин. Полное собр. соч. в 16-ти тт. АН СССР, Л., 1941, т. XIV, с. 219 (в дальнейшем цитирование Пушкина только по этому изданию).

² Там же, т. XIV, с. 256.

³ Там же, т. XV, с. 159.

⁴ См. работы П. Попова «Пушкин в работе над историей Петра I». Литературное наследство, № 16—18. М., 1934, и И. Л. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина».

⁵ П. Попов Указ. соч., Лит. наследство, № 16—18, с. 469.

⁶ П. Попов. Указ. соч. Лит. наследство, № 16—18, стр. 474.

⁷ Там же, стр. 474.

позволяет умозаключить, что сведения при жизни Пушкина о состоянии его работы над Петром были преувеличенными. Никаких «ценных материалов» Пушкин не собрал, никаких новых взглядов на основание Петербурга не высказал и «эволюции характера» Петра не прослеживал¹.

Совершенно иное мнение о пушкинской «Истории Петра I» принадлежит И. Л. Фейнбергу, который считает, что «История Петра I» представляет собой «черновую конструкцию» будущей книги². Сходство с книгой Голикова мнимое. «Там, где Пушкин в подготовительном тексте своей «Истории Петра» «близок к Голикову», он близок попросту к источникам, собранным в голиковском своде»³. «Даже там, где Пушкин «только сокращает» материал, найденный у Голикова, он гениально меняет пропорции, создавая новую перспективу в изображении воссоздаваемых им событий»⁴.

Особую позицию занимает А. Н. Шебунин, автор рецензии на статью П. Попова. Соглашаясь с тем, что найденные тетради являются конспектом голиковского труда, он полагает, что Пушкин не был знаком с архивом. Против утверждения Попова свидетельствует, по мнению Шебунина, и отсутствие части тетрадей, и то, что у Пушкина имелось разрешение на работу в архиве. Кроме того, по словам самого Попова, «...в материалах по истории Петра имелся ряд копий писем Петра и других материалов, писанных рукою не Пушкина, но хранившихся вместе с его собственноручными записями». А значит у Пушкина были какие-то архивные материалы, П. Поповым не изученные»⁵.

Проведенное нами сопоставление «Истории Петра I» с «Деяниями Петра Великого» Голикова дает основание утверждать, что пушкинский текст является конспектом «Деяний Петра Великого» Голикова. Пушкин целиком следует Голикову даже в том случае, когда не согласен с ним. Так, например, приводя вслед за Голиковым описание Нарвского сражения, Пушкин тут же замечает, что все описание сражения у автора ошибочно⁶.

По поводу перечисления Голиковым в 7-й части книги деяний Петра Великого Пушкин пишет: «Достойна удивления

¹ П. Попов. Указ. соч. Лит. наследство, № 16—18, стр. 474—475.

² И. Фейнберг. Указ. соч., стр. 242.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 133.

⁵ А. Н. Шебунин, П. Попов. Пушкин в работе над историей Петра I. В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии, т. 2, М.—Л., АН СССР, 1936, стр. 437.

⁶ А. С. Пушкин. Собр. соч., М., 1950, т. X, с. 54. Ср. И. И. Голиков «Деяния Петра Великого», М., 1788, ч. 2.

разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего,—вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». Далее следует приписка: «внести в Историю Петра, обдумав»¹. Подобные замечания не раз встречаются у Пушкина и свидетельствуют как о том, что Пушкин в этом случае просто конспектировал Голикова, так и о серьезном, вдумчивом отношении Пушкина к своей будущей работе. В то же время ссылки на другие книги и источники, тот факт, что Пушкин во многих местах не соглашается с Голиковым, говорят о знакомстве его с другими многочисленными источниками.

К сожалению, о работе Пушкина в архивах над историей Петра I нет таких специальных исследований, какие имеются о работе его над историей Пугачева. А между тем интерес Пушкина к истории Петра не был случайным.

С восшествием на престол Николая I культ Петра I в России еще более усиливается. Как раньше, но в гораздо большей степени, начинает проводиться идея, что монарх, в данном случае Николай I, является продолжателем дела Петра Великого. Впервые заявила об этом в печати «Северная пчела», затем—другие газеты и журналы. Во многих стихах, напечатанных в этот период, проводится параллель между двумя императорами. Бывший декабрист Ф. Глинка писал в «Северной пчеле»:

Как пращур Петр, дружить по сердцу правоте

И при звезде ночной томить над делом очи².

Подобное же сравнение можно найти в стихах Е. Трегубова и М. Суханова («Сын отечества»), А. Мерзлякова («Вестник Европы») и других поэтов. По-видимому, это не было случайностью, обычной лестью новому императору. На наш взгляд, большую роль сыграло здесь намеренье Николая I представить себя новым Петром Великим. Желание императора видеть себя преемником Петра I отмечали и иностранцы, побывавшие в России. Французский путешественник и писатель маркиз де Кюстин указывал, что «Петр Великий гораздо ближе императору Николаю, чем его брат Александр, и потому Петр еще и теперь в большой моде»³.

И вполне естественно, что русское общество, замечая приязания монарха на сходство с великим предком «видело в

¹ А. С. Пушкин. Указ. сочинение, стр. 256.

² «Северная пчела», СПб, 1826, 7 декабря.

³ Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М., Изд. Всесоюзного общ. политкаторжан. 1930, стр. 93.

этом готовность Николая I продолжить дело Петра. Поверил, или хотел верить этому и Пушкин. Поэтому и призывает он Николая I следовать примеру своего предка, поэтому и проявляет в то время повышенный интерес к истории Петра I, в котором он видел осуществление своих представлений о «революции сверху».

По сравнению со «Стансами» и «Полтавой» образ Петра у Пушкина становился со временем все многограннее. В набросках статьи «О дворянстве» давалась уже сложная характеристика Петра I. Сопоставление его с Робеспьером и Наполеоном объяснялось, по-видимому, тем, что Петр I, наряду с величайшими прогрессивными реформами, сокрушил старое дворянство, что отнюдь не являлось, с точки зрения Пушкина, положительным фактом. Так, в 1830 году Пушкин приветствовал проект Николая I об ограждении дворянства. Он с радостью сообщал Вяземскому 16 марта 1830: «Государь уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных—вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу»¹.

Ко времени работы над «Историей Петра I» Пушкин учел самые разные оценки Петра, в том числе и отношение к Петру I М. М. Щербатова. Правда, в ссылках на М. М. Щербатова, встречающихся в «Истории Петра I», имеется в виду изданный М. М. Щербатовым «Журнал или тоденная записка... Петра Великого с 1698 г.» ч. I и II, но, по-видимому, поэт был знаком и с не опубликованным в то время трудом Щербатова «О повреждении нравов в России». С этой книгой его мог познакомить П. Я. Чаадаев, внук Щербатова. Однако Пушкин не последовал за Щербатовым, а лишь учел его концепцию, чтобы показать многообразие и сложность политики Петра Великого. Пушкинское понимание этой сложности запечатлелось в «Медном всаднике».

Уже В. Г. Белинский, задумываясь над поэмой, видел ее разгадку в столкновении Евгения с Медным всадником. По его мнению, Пушкин, при всем сочувствии отдельным личностям, изобразил историческую необходимость торжества общего над частным... «эта поэма—апофеоза Петра Великого»².

Разногласия в толковании поэмы возникли сразу же после ее опубликования. В. Я. Брюсов очень метко свел их к трем типам: одни истолкователи, к числу которых относится и В. Г.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 14, 1941, стр. 69.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. АН СССР, 1955, т. 7, стр. 547.

Белинский, видели в «Медном всаднике» противопоставление частного общему и торжество последнего над первым. Другие (среди них особенно выделяется Д. Мережковский) усматривали в поэме противопоставление героя и представителя безликой толпы. И, наконец, третья группа исследователей, пожалуй, самая многочисленная, к которой присоединился и Брюсов, видела в Петре символ самодержавия. По мнению Брюсова, последнее толкование в какой-то степени включает в себя и два первых¹. К нему присоединяется и большинство советских историков. Но и здесь существуют разногласия: победу или поражение самодержавия предрекал Пушкин в «Медном всаднике»?

Сам В. Я. Брюсов считал, что бунт Евгения привел в смятение Медного всадника, который до этого равнодушно отнесся к мятежу стихии. Пушкин, якобы, хотел показать, что, несмотря на временное торжество деспотизма, «свобода возникнет в глубинах человеческого духа и «огражденная скала» должна будет опустеть»².

Особенно несовместимыми казались исследователям представление Пушкина об исторической роли родового дворянства и его примирение с абсолютизмом, принизившим государственное значение поместного дворянства. Так, М. Н. Покровский и П. Попов утверждали, что Пушкин не мог принять Петра, поскольку тот ущемил родовое дворянство. «Для Пушкина, лелеявшего мечту о высоком значении дворянства, Петр был «разрушитель», как для Евгения Медный всадник—символ гибели его жизненного благополучия»³.

Многих исследователей интересовал вопрос: торжество самодержавия или намек на его неизбежную гибель содержит в себе поэма. Н. Л. Бродской и другие пушкинисты, присоединяясь к мнению Брюсова, видели в поэме намек на будущую гибель самодержавия. Выдвигалось и предположение, что Пушкин показал в поэме безнадежность бунта против абсолютизма. В недавно вышедшей книге «Пушкин. Исследования и материалы» (т. VI), в статье Е. А. Маймина проводится мысль, что ни Евгений, ни Медный всадник не одерживают победу. Пушкин просто сталкивает «равновеликое», не давая торжествовать ни тому, ни другому⁴. По мнению другого автора

¹ Валерий Брюсов. «Медный всадник». В кн. А. С. Пушкин Сочинения, Брокгауз—Ефрон. СПб, т. 3, 1909, стр. 456—458.

² Там же, стр. 465.

³ П. Попов. Ук. соч. Лит. наследство, № 16—18, стр. 490. См. также: М. Н. Покровский. «Пушкин-историк» — В кн.: А. С. Пушкин и н. Полн. собр. соч. в 6-ти т. Под. ред. Д. Бедного и других. Т. 5, кн. 1.

⁴ Е. А. Маймин. Философская поэзия Пушкина и лбомудров (К различию художественных методов). В кн.: «Пушкин. Исследования и материалы». т. VI, стр. 116.

В. Э. Вацуро, Пушкина интересовали объективные последствия реформ Петра, которые он осуждал, так как в последнее время выступал за «замкнутую в самой себе Россию»¹.

На наш взгляд, «Медный всадник» — поэма о бесплодности всяких попыток сопротивления самодержавию, с точки зрения Пушкина, все они обречены на неудачу. Нам кажется, что эта мысль более всего соответствует мировоззрению Пушкина начала 30 годов.

Без сомнения, Пушкина волновал и вопрос о соотношении личного и государственного интересов в истории. И при всем сочувствии отдельным личностям, Пушкин не мог не признать неизбежность торжества общего над частным.

Не видим мы большого противоречия между представлением Пушкина о роли родового дворянства в истории и положительной оценкой Петра I.

Несомненно, что Пушкин, с его верой в историческую роль родового дворянства, в отличие от Генриха Гейне, приветствовавшего «Табель о рангах», отрицательно относился к созданию Петром нового дворянства, к принижению им значения боярства. И в этом он не был одинок. Герцен также отмечал: «Один из самых печальных результатов петровского переворота — это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме «служения», ничего не знающий, кроме канцелярских форм; он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых»².

Но и к старому русскому дворянству отношение Пушкина было очень сложным.

В набросках статьи «О дворянстве» Пушкин писал: «Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какой целью? с целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных представителей. Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди отменные по своему богатству или образу жизни»³.

Итак, старинное дворянство — представитель народа при государе, защитник его интересов. Царствующие в России государи старались принизить роль родового дворянства, а на смену ему создать новое, полностью зависящее от царя, чиновное дворянство, которое характеризует «совершенное отсутст-

¹ В. Э. Вацуро. Указ соч., стр. 168.

² А. И. Герцен. Собр. соч., в 30-ти тт., изд. АН СССР. М., 1956, т. VIII, стр. 252.

³ А. С. Пушкин. Собр. соч. Т. XII, М., 1949, стр. 205.

вие чести и честности»¹. Началось падение дворянства, еще при Иоаннах, Петр начал уничтожение дворянства чинами².

Пушкин пишет и о цели, с которой создавалось новое дворянство: «Высшая цель, если она не наследственная (на деле) является знатью пожизненной; средство окружить деспотизм преданными наемниками и подавить всякое сопротивление и всякую независимость»³. Полностью зависимая от власти, чиновная аристократия не способна на самостоятельные действия и потому не является прогрессивной силой, а старое дворянство приходит в упадок. Оно лишается богатства, которое как раз и давало ему возможность быть независимым представителем народа при государе. И Пушкин с горечью замечает: «Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество: новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна (фамилия) не знает своих предков. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю. Но пора положить ему преграды. Аристократия чин (овная) не заменит аристократии родовой»⁴. Пушкин, несомненно, считал старинное дворянство способным противостоять абсолютизму. Он писал: «Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри»⁵.

Но в то же время Пушкин видел, что боярство ничем не зарекомендовало себя в прошлом. Мешало то свойство русского характера, о котором так резко сказал П. Я. Чаадаев,—безразличие русского общества к общественной жизни.

Пушкин был полностью согласен с Чаадаевым. «Действительно, нужно сознаться,—писал он Чаадаеву в 1836 году,—что наша общественная жизнь—грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству—поистине могут привести в отчаяние»⁶. В Очерке введения к «Истории Петра» есть красноречивая характеристика: «Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч., т. XI, 1949, с. 16.

² А. С. Пушкин. Собр. соч., т. XII, стр. 206.

³ Там же, стр. 485.

⁴ Там же, т. VIII, ч. I, М., 1948, стр. 53.

⁵ Там же, т. XI, стр. 54.

⁶ Там же, т. XVI, 1949, стр. 393.

Бояре беспечные

Их дьяки алчные

Народ taillable à merci et miséricorde.

Правосудие отдаленное, в руках дьяков.

Подати многосложные и неопределенные.

Беспорядок в сборе оных».

Тут же Пушкин замечает: «...правительство впереди народа»¹. Другое сравнение действий правительства и дворянства также проводится в пользу правительства: «Петр занялся внутренними преобразованиями. Примером своим (и указами?) уменьшил он число холопей. Он являлся на улице с одним или тремя деньщиками, скачущими за ним. Бояре принуждены были распустить своих дворовых. Сии разжиревшие тунеядцы разбрелись, впали в бедность и в распутство. Петр, обещая им ненаказанность, призвал их в службу. Собралось их множество»². Правда, старое боярство не было просвещенным, чего нельзя сказать о современниках Пушкина. Но в его время родовое дворянство, постепенно лишаясь своего богатства, находилось в упадке, чиновное было полностью зависимо от власти, другой силы, способной содействовать прогрессу страны, он не видел и оставалось одно, надеяться на прогрессивную роль самодержавия.

Неверие в народ как активную силу истории появилось у Пушкина уже в начале 20-х гг. Немалую роль в этом, по-видимому, сыграло поражение испанской революции, оказавшее большое влияние на русское общество³.

Разочарование поэта отразилось в лирике этого периода. Если в 1821 году в послании к В. Л. Давыдову Пушкин еще верит в возможность революции в России, то в 1823 году в стихах «Птичка», «Телега жизни», «Свободы сеятель пустынный» эта вера окончательно исчезает.

Отношение Пушкина к «просвещенному абсолютизму», к дворянству было неразрывно связано с негативным отношением поэта ко многим явлениям социально-политической, духовной, культурной жизни тех стран, где утверждалось господство буржуазии. В свое время это отметил Г. А. Гуковский.

Он установил, что интерес Пушкина к социально-историческим проблемам значительно возрастает с 1830 года, что было связано «с впечатлениями русской социальной действительности этого времени», с работами французских историков-социологов: Баранта, Гизо, Тьерри», а также «со своими соб-

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч., т. X, стр. 290—291.

² Там же, стр. 43—44.

³ М. П. Алексеев Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX веков, изд. Ленинград. ун-та. Л., 1964, стр. 116—139.

ственными изменениями истории России и Запада»¹. Кроме того, большое впечатление на Пушкина произвела июльская революция во Франции 1830 года, которая принесла миру «замену Людовика XVI Людовиком-Филиппом, замену маркизов банкирами, замену салонов коммерческими конторами, омертвевшего классицизма водевилями Скриба, произвола короля произволом богатей и страданий крепостных страданиями «работников» на фабриках»². В новом буржуазном обществе, считает Гуковский, Пушкину все казалось подчиненным власти денег, которые «несут миру злобу, подлые стремления, забвение всего человеческого, отраву и безумие»³. По сравнению с ним феодальный мир со всеми своими пороками представлялся Пушкину намного обаятельнее, поэтичнее⁴.

К такому выводу пришел Гуковский, анализируя два произведения поэта—«Скупой рыцарь» (1830) и «Пиковая дама» (1834). Еще более определенно сказал Пушкин о своем отношении к буржуазному обществу и буржуазной демократии в 1836 г. в стихотворении «Из Пиндемонти» и в статье «Джон Теннер».

По мнению многих исследователей, в том числе и М. П. Алексева, пушкинская статья «Джон Теннер» была написана под непосредственным влиянием книги А. Токвиля «О демократии в Америке»⁵.

А. Токвиль, анализируя американский общественный строй, наряду с положительными моментами, отмечал и опасные последствия равенства—отсутствие ярких личностей, художественных произведений, торжество «середины». Равенство—неизбежная тенденция времени. Но лишь история покажет «поведет ли... это равенство к рабству или свободе, к просвещению или варварству, к благополучию или бедствиям»⁶.

Книга А. Токвиля вышла в 1835 г. Но Пушкин высказывает подобные мысли и раньше—в «Пиковой даме» и «Скупом рыцаре». По всей вероятности, эти идеи были широко распространены в то время. Недаром сходные рассуждения встречаем мы и у Стендаля. Он утверждает, что буржуазная революция не может принести свободы, так как «собственники желают только безопасности, а главное—равенства во всем. Свобода кажется им роскошью»⁷. Свобода нужна любому промышлен-

¹ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, 1957, стр. 291—292.

² Там же, стр. 319.

³ Там же, стр. 317.

⁴ Там же, стр. 351.

⁵ М. П. Алексеев. К статье Пушкина «Джон Теннер». В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1966, «Наука», Л., 1969, стр. 50—56.

⁶ А. Токвиль. О демократии в Америке. М., 1897, стр. 574.

⁷ Стендаль. Г-жа де Сталь. В кн. Стендаль. Собр. соч., «Худ. лит-ра», т. IX, Л., 1938, стр. 259.

нику только для того, чтобы «увеличить свое состояние»¹. Если это будет ему обеспечено, «он не только не будет требовать государственных переворотов, но станет бояться их»².

Буржуазии, считает Стендаль, совершенно не свойственно благородство чувств.

В этом отношении она стоит гораздо ниже и аристократии, и так называемого, «мыслящего» класса. «Шесть месяцев тому назад,—пишет Стендаль в статье «О новом заговоре против промышленников»,—Санта-Роза был убит при Наварине: года не прошло с тех пор, как умер лорд Байрон на службе Греции. Какой промышленник пожертвовал бы всем своим состоянием этому высокому делу»³. Монархия, со свойственным ей деспотизмом одного человека, очень часто кажется Стендалю предпочтительнее буржуазной демократии, при которой деспотизм монарха заменен деспотизмом «толпы» или деспотизмом общественного мнения. В статье «В 1836 году комедия невозможна» Стендаль писал об Америке, которая представлялась ему наиболее ярким примером республиканского образа жизни: «Там нет такого деспота, как кардинал де Флери, царивший во Франции, кажется, во времена г-на Дебрасса. Там деспот—грубая посредственность, за которой надо ухаживать, если не хочешь подвергнуться оскорблениям на улицах»⁴.

И Стендаль боится, что и Франция вскоре будет похожа на Америку. Революция привила французам «здравый смысл», изменила их нравы. Со времени революции во Франции господствует жеманство, порождающее скуку, и Стендаль жалеет о том беспечном веселье, которое характеризовало монархическую Францию: «Смех,—писал он в статье «О морали Реньяра» (1823 г.),—черта наших испорченных монархических нравов, и мне жаль было бы лишиться его»⁵.

Во многом был согласен со Стендалем и Оноре де Бальзак. В его творчестве явно выражена симпатия к людям, сохранившим дворянское благородство дореволюционной Франции»⁶.

Антиреспубликанские, промонархические настроения были распространены в то время в России.

Широкие слои русской общественности усваивают мысль об объективной прогрессивности русского самодержавия. Даже люди, сочувствующие декабристам, склонны были к идеализации правительственной инициативы. Несомненно, что к

¹ Стендаль. О новом заговоре против промышленников. Там же, стр. 282.

² Стендаль. Ук. соч., стр. 283.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 360.

⁵ Там же, стр. 214.

⁶ Д. Д. Обломиевский. Бальзак. В кн: История французской литературы. АН СССР, 1956, т 2, стр. 441—489.

числу их в то время принадлежал и А. И. Герцен. В 1836 году он писал в «Отдельных замечаниях о русском законодательстве»: «В гражданском обществе (dans le fait social) прогрессивное начало есть правительство, а не народ. Правительство есть формула движения (du progrès), выражение идеи общества, форма его историческая, факт непреложный»¹.

На длительное отсутствие в России после поражения декабристов республиканских идей указывал В. И. Ленин. В 1902 году в «Аграрной программе русской социал-демократии» он писал: «Мы говорим: «создать» (речь идет о создании и упрочении социал-демократами республиканской традиции — Н. К.), ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, никогда не считали его «практическим» вопросом... На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров»².

* * *

Эволюция взглядов Пушкина свидетельствует о сложности путей развития русской политической мысли в XIX веке. Они шли в общем по линии прогресса. Здесь нужно лишь иметь в виду сложность самого понятия прогресс, на которую указывает академик Н. И. Конрад³.

Вызревание республиканских политических учений в Западной Европе и в России шло отнюдь не по прямой линии. В 20—30-е годы и на Западе, и в России республиканизм переживал острый кризис. В результате широко распространяются антиреспубликанские идеи. Это было временное явление. В Западной Европе, в частности во Франции, республиканские идеи стали вновь постепенно овладевать обществом примерно с середины 30-х годов⁴. В России этот процесс по целому ряду причин был более сложным, более мучительным. Но так называемые антиреспубликанские идеи подчас были скрытым республиканизмом. Это характерно и для Пушкина. Отсюда и противоречивость его политических взглядов, политической позиции в последнее десятилетие жизни.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти тт., т. I, 1954, стр. 320.

² В. И. Ленин. Сочинения, Госполитиздат, Л., 1951, т. VI, стр. 103.

³ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., изд. «Наука» 1966, стр. 505, Ст. «О смысле истории».

⁴ См. Жорж Вейль. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г., пер. с фр. Л. Шишко. Изд. Скирмунта, М., 1906.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

А. С. ПУШКИН
Статьи и материалы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 115

ГОРЬКИЙ 1971